

Бакишутова Е. В. Классическая психология больших социальных групп в контексте постнеклассической рациональности / Е. В. Бакишутова // Научный диалог. – 2013. – № 4 (16) : Психология. Педагогика. – С. 15–27.

УДК 159.9.07

Классическая психология больших социальных групп в контексте постнеклассической рациональности

Е. В. Бакишутова

Статья посвящена важной методологической проблеме – изучению больших социальных групп в условиях сверхсложной реальности постиндустриального и информационного общества. Рассматриваются признаки большой группы, выделяемые в классической социальной психологии. Автор предлагает понятие «атипичной» группы, более адекватное постнеклассической рациональности. В статье представлена гносеологическая модель, позволяющая изучать гетерофеноменность группового сознания. Автор иллюстрирует возможность применения модели на примере изучения группового сознания российской интеллигенции.

Ключевые слова: большие социальные группы; классическая и постнеклассическая рациональность; дискурс; атипичная группа; интеллигенция; ризома.

Традиционно большие социальные общности составляют значимую часть предметной области социальной психологии эпохи модерна. В зарубежной и российской науке подходы и акценты в этой сфере различаются. Для американской социальной психологии более характерно изучение проблем коллективного поведения, но в целом психология больших групп не стала основным направ-

лением исследований в социальной психологии в этой стране. В европейских общественных науках наиболее сильна социологическая традиция изучения общества, восходящая к М. Веберу и предлагающая учитывать субъективные аспекты социальных феноменов и процессов в историческом контексте. В отечественной психологии долгое время акцент был смещен на изучение «идеологически ангажированной проблематики (психологии классов и этносов)» [Богомолова и др., 2002, с. 137]. В дальнейшем, особенно в связи с политической и экономической трансформацией российского общества, исследовательские акценты сместились с изучения «стабильной» проблематики классов в сторону и других социальных групп – профессиональных, гендерных, возрастных. В последнее десятилетие появились работы, рассматривающие социально-психологические феномены, имеющие место как в обществе в целом, так и в больших группах, в межличностном и межгрупповом взаимодействии (социальная психология доверия, социальная психология справедливости, психология виртуальной идентичности и др.). Социально-психологические исследования нового поколения особо подчеркивают актуальный контекст – социальные трансформации, которые выступают «повсеместной рамкой анализа» [Белинская, 2006]. Однако мы обнаруживаем методологическую лагуну, образованную сменой типов научной рациональности, необходимостью изучения социальных макрообъектов в условиях изменений и отсутствием конкретных приемов в социальной психологии для осуществления таких исследований.

В классической социальной психологии выделяют ряд главных отличительных признаков социальной группы: включенность общности в систему общественных отношений, определяющих возможность возникновения, смысл и пределы существования группы; наличие у членов группы значимого основания сообщества находиться в ней, отвечающего интересам всех его участников

и способствующего реализации потребностей каждого; сходство участи состоящих в группе людей общностью впечатлений и переживаний; длительность существования, достаточная для возникновения не только специфического языка и каналов внутригрупповых коммуникаций, но и коллективных истории (традиций, воспоминаний, ритуалов) и культуры (представлений, ценностей, символов, памятников); разделение и дифференциация функциональных ролей между членами группы и ее подгруппами; наличие органов (инстанций) планирования, контроля групповой жизнедеятельности и индивидуального поведения; осознание участниками своей принадлежности к группе, их самокатегоризация в качестве ее представителей; признание данной человеческой общности как группы ее социальным окружением [Донцов, 2000, с. 215–217].

Констатируя переход от эпохи модерна к постмодерну, отметим, что существенным признаком, отличающим большие группы, появляющиеся в постиндустриальных обществах, является отсутствие общих традиций и коллективной истории, диффузия потребностей и интересов индивидов, составляющих группы. Это находит проявление в образовании политических партий, должных по традиции модерна выражать интересы социальных групп. Однако в российском обществе такой традиции не сложилось, потому политические партии персонифицированы, объединяют людей благодаря не столько общим убеждениям, совместной деятельности, ценностям (тому, что составляет групповую типичность), сколько личности и статусу лидера. Также сложно сформулировать интеграционные признаки сообщества предпринимателей или бюрократии: сходство участи не превращается в одночасье в совместную деятельность и т. п. Но, возможно, время классических больших групп индустриального периода истории уже действительно – история, и для изучения социально-психологических феноменов

в больших группах требуются иные подходы. Мы считаем возможным ввести в научный оборот **понятие «атипичная группа»** – понятие, которое может содержательно охарактеризовать большие группы постиндустриальной и информационной эпохи, характеризующейся многомерностью.

На наш взгляд, нет необходимости отказываться от принципов и научных подходов к описанию реальности, сформулированных в предшествующие периоды формирования психологического знания. Напротив, преимущество постнеклассической «методологической оптики» исследователя в том и будет заключаться, что «за счет свёрхрефлексивности (повышенной рефлексивной сложности)» [Гусельцева, 2009, с. 174] можно использовать подходы и методы, сформулированные ранее. В ином случае мы только будем делать вид, что проникаем в «живое жизненное пространство», оставаясь на деле в плену бинарной логики. Здесь нам близка позиция В. Е. Ключко, рассматривающего эволюцию психологического мышления от одномерно-бинарной логики классицизма к сложному психологическому мышлению в бинарно-тернарной логике неклассицизма и сверхсложному психологическому мышлению, т. е. многомерной логике постнеклассицизма – многомерному мышлению, в котором возможно присутствие и взаимодействие различных парадигм. Речь идет о том, что объектом исследования в постнеклассической науке выступают уникальные саморазвивающиеся системы. Интерес к ним не возникает внезапно. Каждый новый тип научной рациональности позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы (постнеклассика) (В. С. Степин). Согласимся с В. Е. Ключко, который подчеркивает, что предмет науки сам перестраивается в ходе становления научного познания, которое постепенно поднимается на новые,

более высокие уровни системного видения изучаемой реальности. Тенденции эти, в частности, проявляются в следующем:

- в динамике используемых в психологии подходов (атомарный – структурный – структурно-системный – системный);
- в становлении отдельных принципов, например, принципа детерминизма (примат внешней детерминации – примат внутренней детерминации – самодетерминация – системная детерминация);
- в росте уровня системности мышления (аристотелевское мышление – галилеевское мышление – метасистемное мышление) [Клочко, 2011, с. 138].

Социальная психология с большей очевидностью, чем другие отрасли психологии, тяготеет к естественнонаучному эмпиризму, но также очевидно, что если мы стремимся к изучению – не только анализу, но и прогнозированию – социальных процессов, то не сможем обойтись исследованиями на больших выборках количественными и статистическими методами: изменения сегодня происходят настолько быстро, что данные могут «устареть» уже в процессе сбора. В социальную психологию неизбежно должны прийти гуманитарные подходы и качественные методы исследования. Приведем высказывание И. А. Бодуэна де Куртене о выборе исследовательской принадлежности к гуманитарной либо естественной методологии: «Здесь я позволю себе решительно высказаться против термина *гуманитарные науки*. Термин этот возник на фоне ограниченности средневековых понятий и обязан своим появлением филологам, охваченным манией величия, для которых “человек начинается только от грека”. *Гуманитарные науки* – это просто науки психические, точнее говоря, психико-социальные» [Бодуэн де Куртене, 1963, с. 65–66]. Сегодня понятия *гуманитарные* и *социальные науки* все более сближаются благодаря дискурсивному перевороту и фактически новой онтологии, в центре которой не физический мир, а мир человеческий, гуманитарный. Если механистической онтологии

(онтологии Ньютона) свойственны такие отношения между изучаемыми сущностями (предметами и событиями), как каузативный детерминизм, то для дискурсивной онтологии (онтологии Выготского) значение имеют «вероятностные зависимости, правила и нормы диалога между речевыми актами, дискурсом» [Макаров, 2003, с. 16].

Склоняясь к выбору постнеклассического принципа в изучении большой социальной группы, мы опирались на идеи критического рационализма Т. Куна, М. Полани, С. Тулмина, П. Фейерабенда, размыкающих замкнутое поле классической науки в сторону междисциплинарных подходов: феноменологическую социологию А. Шюца, предложившего использование феноменологии для проникновения внутрь социального мира, а также конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана; концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, символического капитала П. Бурдьё, коллективной памяти М. Хальбвакса, идеи социального конструкционизма К. Джерджена, Р. Харре, В. Барр, Б. Андерсона. Структуралистские и постструктуралистские теории М. Фуко, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ж. Делеза позволили нам «сконструировать» **ризоматическую модель для изучения психологии большой группы.**

Ризома – (от фр. *rhizome* – корневище) – понятие, введенное в философский тезаурус Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1976 году – есть не замкнутая, не структурированная, не иерархизированная, не значимая, подвижно организованная система с децентрированным центром, все (условные) точки которой связаны между собой нелинейными связями. Если культура, основанная на центрировании (логоцентристская), уподобляется Ж. Делёзом и Ф. Гваттари дереву, проросшему в голове, то ризоматическая – траве, скрытому стеблю, луковице, клубню, а также сети, которая всегда предлагает конъюнкцию «и...и...и»: образующие ее элементы гетерогенны, равноправны, между ними «союз и только союз», их связи имеют «поперечный» (нелинейный) характер, откуда возникает еще одно

уподобление – ручью без начала и конца, совершающему перпендикулярное движение, подтачивающее оба берега реки, – что в свою очередь акцентирует фактор самодвижения системы [Ильин, 2001].

Проиллюстрируем возможность применения модели ризомы в изучении группового сознания российской интеллигенции. Интеллигенция, обладая рядом типичных для большой группы признаков, является атипичной, то есть несистемной группой, поскольку базовым феноменом, определяющим содержание ее группового сознания, является конфликт. По этой причине, сознание интеллигенции не может быть описано и представлено в виде линейной модели, где один феномен вытекает из другого. Сознание интеллигенции – это непараллельная эволюция разнородных феноменов, происходящая не за счет дифференциации, а благодаря соединению разных линий развития, которое и создает устойчивость группы.

Главные принципы, лежащие в основе устройства ризомы, – это «сцепление и гетерогенность». Согласно им, каждая точка ризомы может и должна быть соединена с любой другой – ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе: «семиотические звенья любой природы связаны здесь с самыми разными способами кодировки, биологическими, политическими, экономическими звеньями и т. д., пуская в ход не только регистры различных знаков, но также и статусы положений вещей» [Делез, Гваттари, 1976].

Гносеологическая модель изучения сознания интеллигенции включает в себя конструкты разной этиологии: миф, идентичность, дискурс, конфликт. Каждый из конструктов раскрывает определенный слой группового сознания.

Миф – это система знаний и переживаний реальности, восходящая к самым первым типам человеческого общества, миф является живым, пока он выполняет свою этиологическую функцию – объяснения жизненного мира. Миф как форма мышления реален и в со-

временных сообществах и является предметом исследования широкого круга гуманитарных дисциплин, в психологии близкими ему понятиями являются «образ» и «стереотипы». В первом случае мы можем иметь дело с живым мифом, а во втором – уже с выхолощенным и удаленным от «природы».

Идентичность – феномен, который также изучается многими науками, и в психологии занимает существенное место, но в разных науках описывается «на разных языках», которые раскрывают суть этого феномена – самоидентичность и тождественность миру.

Конфликт – понятие, привнесенное из социологии, но даже до обозначения предметных характеристик в разных дисциплинах, очевидно, и даже более чем в случае с идентичностью, что конфликт – неотъемлемая часть жизнедеятельности всех систем. Дискурс как явление жизни также присутствует всегда и везде; как научное понятие не только связано с «лингвистическим поворотом» в науках, но и имеет множество определений, дефиниций и уже входит в психологический тезаурус.

Взаимосвязи прослеживаются между всеми элементами системы группового сознания российской интеллигенции. Например, **идентичность** требует постоянной верификации признаков, особенно в условиях социальной нестабильности, для чего используется дискурс, то есть идентичность интеллигенции дискурсивна; **идентичность** интеллигенции характеризуется **конфликтом** (дивергенцией) представлений о роли группы в общественной структуре: политическая деятельность / культурно-просветительская деятельность. Все участники группы обладают индивидуализированным сознанием, что затрудняет постановку и реализацию групповых целей, осознания групповых потребностей и интересов. Кроме того, групповое сознание и самосознание **конфликтно**, так как оно не только противопоставляет интеллигенцию другим группам, но осуществляет разделение внутри группы на «подлинных»

и «неподлинных» интеллигентов. В то же время сохранность и воспроизводство группового сознания интеллигенции обеспечиваются закапсулированностью коллективного смыслового поля группы (набором **мифов** – о происхождении интеллигенции, ее статусе и социальных функциях, об особых качествах интеллигента), конструируемого **групповым дискурсом**. Важно отметить, что «ризома способна порождать несистемные и неожиданные различия, которые невозможно противопоставить по наличию или отсутствию некоего признака» [Делез, Гваттари, 1976]. Это объясняет, почему в XX и особенно в XXI веке так сложно определить признаки интеллигента (ни образованность, ни воспитанность, ни внутренняя культура, ни даже их совокупность не являются достаточными для создания психологического портрета «подлинного» интеллигента), и тем не менее именно этот аспект является наиболее устойчивым в интеллигентском дискурсе, особенно в последние годы, поскольку проблема идентичности интеллигенции не имеет по сути решения внутри группы, если ее рассматривать как простую систему.

Следующий принцип, который Делез и Гваттари кладут в основу устройства ризомы, – это принцип «множественности». Последняя должна пониматься сама по себе, вне связи как с субъектом, так и с объектом. То есть при ризоматическом подходе главенствующая роль отводится не точкам контакта, а линиям, соединяющим точки. Авторы пишут: «У нас нет единиц измерения, только множества или разновидности меры. Понятие единства (*notion d'unite*) появляется только тогда, когда во множестве происходит захват власти означаемым» [Делез, Гваттари, 1976]. Применительно к групповому сознанию российской интеллигенции мы можем пояснить это следующим. Прежде всего, конфликт выступает как базовая динамическая характеристика группы, причем конфликт дивергентный, неразрешимый, который проявляется на уровне сознания и деятельности интеллигенции, – двойственность установок, мировоззрений,

самоотношения. А также укажем на неразделимость субъекта и объекта интеллигентского дискурса: ни одна группа не находится в такой ситуации, поскольку рефлексией общественного устройства, ролей, статусов, конфликтов других групп, как правило, занята также интеллигенция. Интеллигенция является объектом и субъектом процесса познания, при этом ризомная форма группового сознания обуславливает идеологическую автономность личности внутри группы – у каждого ее представителя фактически собственное мировоззрение, свое представление об образце поведения интеллигенции и интеллигентов.

Имманентен ризоме также принцип *«незначащего разрыва»*. Согласно ему, корневище может быть разорвано в любом месте, но, несмотря на это, оно либо возобновит свой рост в старом направлении, либо выберет новое. История российской интеллигенции показывает, что, несмотря на все трудности, которые претерпела эта группа, унижение, уничтожение, она все равно восстанавливается, возобновляет свою антиномичную активность, реконструируя в дискурсе биографию; уточняет дефиниции идентичности, опираясь на миф.

Наконец, принципами, заложенными в основу построения ризомы, заявлены *«картография и декалькомания»*. Выделяя их, Делез и Гваттари утверждают, что ризома – это не механизм копирования, а карта с множеством входов. Противопоставление кальки и карты означает, что последняя по своей природе открыта, подвижна, переворачиваема и восприимчива к изменениям; калька же, наоборот, не подвержена модификации, не создает ничего нового и лишь копирует имеющиеся линии и очертания. «Рисунок на карте никогда не может считаться окончательным – он постоянно меняется, как и меняется сама действительность» [Делез, Гваттари, 1976]. Здесь аналогии с ризомой не так однозначны, поскольку групповое сознание имеет свойства и кальки (герметичный миф, воспроизводство

всех признаков системы – дискурсивное конструирование идентичности, антиномичность сознания, конфликт), и карты (несмотря на сохранность элементов системы, она изменяется во времени, приспособляясь к реальным условиям, отчасти девальвируя первоначальное смысловое содержание).

Мы должны отметить еще одно отличие нашей модели группового сознания интеллигенции от ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари. По сути, ризома представляет собой бесконечность, и для описания реальности такая модель подходит, однако для научного исследования работа с такой системой затруднительна. Поэтому наш гносеологический инструмент для изучения содержания группового сознания мы назвали **ризоматической моделью**, то есть моделью, имеющей строение, подобное ризоме.

Интеллигенция относится к категории больших устойчивых социальных групп. Она обладает историей, можно говорить и об определенном психическом складе ее представителей (их установках, традициях, мнениях, представлениях, настроениях и т. п.), но в действительности это уникальная, атипичная по своему складу и статусу группа. «Типичная» социальная группа обеспечивает устойчивость общества. Атипичность интеллигенции связана с тем, что она, во-первых, стимулирует переход к новым фазам общественного развития, а во-вторых, обеспечивает ценностно-смысловую преемственность между старым и новым, то есть выступает условием саморазвития социальной системы. Сегодня невозможно игнорировать растущую сложность реального мира и увеличение множеств как взаимосвязей, так и разрывов в нем, обеспечиваемых информационным укладом, разнообразием темпоральных прототипов социальной и личностной идентичности. Каждый новый тип научной рациональности позволяет выделять и исследовать соответствующие типы системных объектов. Очевидно, что такой объект, как интеллигенция, диктует использование методологии, интегри-

рующей накопленный предыдущими периодами развития психологии опыт и одновременно включенной в ризоматическую картину мира современности. Обращаясь к постнеклассической парадигме науки, мы получаем возможность, вместо исследования «застывшего» сознания, совместить изучение «срезовых» результатов и процессуальных явлений.

Литература

1. *Белинская Е. Н.* Идентичность личности в условиях социальных изменений : диссертация... доктора психологических наук : 19.00.05 / Е. Н. Белинская. – Москва, 2006. – 479 с.
2. *Богомолова Н. Н.* Психология больших социальных групп : новые судьбы, новые подходы / Н. Н. Богомолова, А. И. Донцов, Т. В. Фоломеева // Социальная психология в современном мире. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – С. 132–147.
3. *Бодуэн де Куртене И. А.* О психических основах языковых явлений [в сокр.] / пер. с пол. // Избранные труды по общему языкознанию : в 2 томах / И. А. Бодуэн де Куртене. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – С. 56–66.
4. *Гусельцева М. С.* Проблема изучения психики как междисциплинарного феномена : культурно-аналитический подход / М. С. Гусельцева // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 166–179.
5. *Делез Ж.* Ризома («Тысяча плато» : глава первая) («Rhizome», 1976) [Электронный ресурс] / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Восток : альманах : О ситуации в России. – № 11/12 (35/36). – Ноябрь – декабрь 2005. – Режим доступа : http://www.situation.ru/app/j_ artp_1023.htm.
6. *Донцов А. И.* О понятии «группа» в социальной психологии / А. И. Донцов // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. А. Л. Свенцицкий. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – С. 211–220.
7. *Ильин И. П.* Постмодернизм : словарь терминов / И. П. Ильин ; РАН, Ин-т науч. информации по общественным наукам. – Москва : Интрада-ИНИОН РАН, 2001. – 384 с.
8. *Клочко В. Е.* Эволюция психологического мышления : этапы развития и закономерности усложнения / В. Е. Клочко // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 40. – С. 136–152.
9. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 277 с.

10. *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика / В. С. Степин // Постнеклассика : философия, наука, культура. – Санкт-Петербург : Мирь, 2009. – С. 249–295.

© Бакшутова Е. В., 2013

Classical Psychology of Large Social Groups in Context of Post-Non-Classical Rationality

E. Bakshutova

The article is dedicated to the important methodological problem of studying large social groups in conditions of the super-complex reality of the post-industrial and information society. The large group attributes identified in the classical social psychology are studied. The author suggests the “atypical group” concept which is more consistent with the post-non-classical rationality. The article presents a gnoseological model which enables studying the heterophenomenal nature of group consciousness. The author illustrates the possibility of this model application with the example of studying the group consciousness of Russian intellectuals.

Key words: large social groups; classical and post-non-classical rationality; discourse; atypical group; intellectuals; rhizome.

Бакшутова Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, докторант по кафедре социальной психологии, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара), bakshutka@gmail.com.

Bakshutova, E., PhD in Psychology, associate professor, Doctoral degree seeker, Department of Social Psychology, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities (Samara), bakshutka@gmail.com.